

11:25. На пять минут опоздал – нехорошо. И ящичек крайний достался, у окна – дует. Леонид Сергеевич стянул фирменные джинсы, кальсоны, поправил плавки, покосился налево – какой-то прыщавый студент, не торопясь, раздевался, одновременно болтал по мобильнику. «Еще и без кальсон, молокосос, – покачал головой Леонид Сергеевич. – Вон, ноги все синие». Студент сменил трусы в сердечках на плавки, не переставая при этом по телефону слащаво что-то заливать, очевидно, в девичьи уши.

Леонид Сергеевич всегда брал абонемент на 8 сеансов, по понедельникам и четвергам, на 11:20 – меньше народа. Студенты на занятиях – которые нормальные, не в позорных трусах. Офисный планктон приходит обычно пораньше или уже поздним вечером. Конечно, никуда не деться от пенсионеров-бездельников. Леонид Сергеевич вроде и сам принадлежит к этой социальной группе, но на ровесников смотрит еще свысока. Особенно на пожилых дамочек в шерстяных и меховых шапочках, с отвислыми частями тела – теми, что когда-то радовали глаз и держались сами.

У входа в бассейн две бабули, поддерживая друг друга, квохча да кряхтя, кое-как спускались в воду. Леонид Сергеевич нетерпеливо ожидал, когда освободится лесенка, и вдруг подумал: а ведь хорошо, что он не баба. В самом деле, осень жизни приходит не так стремительно и зрелище ее не столь трагично. Ну, поседели волоски на груди и в паху, проступило несколько мерзких пятен на спине, так ведь и не видно самому. Работа радовала возможностью отстраниться от быта, плавно довел все дела до финала, подготовился к пенсионному безвременью – неизвестно же, сколько еще осталось протянуть. Прикупил акции, бумаги, квартиру в аренду сдал. Не приходилось выращивать детей, внуков, выселять их, судиться.. Да, есть сын. В семье не без уroda. Да, где-то там бывшая жена. Не в соседнем доме, слава богу. Ради сына пришлось бросить загибающееся конструкторское бюро, ввязался в бизнес. Только на пользу пошло – научился

зарабатывать, почувствовал, что значит жить как люди, вошел во вкус.

Сыночек, гордость, вот повезло-то – художник! Ладно бы научили его в этой академии писать пейзажи, хоть одно умение было бы. Иностранцы, говорят, сейчас на наш реализм клюют. Нет, блин, бросил академию, делает какие-то кучки из отбросов, выставляет их по квартирам и подвалам, бухает с дружками. Женился... Еще до этого была надежда, что найдет нормальную бабу, она его образует. А вот фиг вам, унылые предки: жена искусствовед. Это первая... Родила девчонку, от Олега ушла, выскочила за другого, дочку не дает, врет, что не Олегова. Женился снова. Вторая баба оказалась еще дурее – взяла кредит, оформила на его квартиру (которую заботливый отец купил, а любезный сын переписал на жену). Короче, ни квартиры, ни бабы. Леонид Сергеевич думал, сын сопьется. Беда пришла, откуда не ждали. Олег сиганул с крыши на открытии своей выставки. Потом в дурке лежал. Отец к нему не пришел. И вообще не захотел больше Олега видеть. Как будто не было больше сына. В семье ведь не без уроды.

С женой Леонид Сергеевич лет пятнадцать как развелся. А смысл? Уже немолодые люди, у каждого свои интересы. У нее Амвэй, энергетика, чакры, йога, еще что-то, ему все равно. Лучше одному, чем с идиотами вокруг. Сын в нее, конечно. Внуков не предвидится, да не больно-то и нужно уже.

Вроде бы силы на убыль и финальная черта маячит на горизонте. О чем была жизнь Леонида Сергеевича? Он о таком предпочитает не задумываться. Ибо ответа все равно ни у кого нет. В церковь не тянет, в йогу и астральные путешествия тем более. Современное искусство? Упаси боже. Вон, один уже тронулся умом, в тридцать пять хромает, инвалид.

После дурки и больницы Олег явился в родительский дом – мол, надо у вас пожить, старики, подвиньтесь. Леонид Сергеевич сухо заявил, что тот может остаться на две недели, не больше – и выразительно посмотрел на календарь. Не прошло и недели, как Олег ночью ушел. Ни соринки после себя не оставил. Впрочем, ничего и не привнес, в качестве какой-то благодарности – все-таки отец квартиру хорошую подарил, свадьбу оформил. Даже две. Ничего не должен больше. Хорошо бы уже и родителям помогать повзрослевшему

сыну. «Не дождешься», – сам себе ответил Леонид Сергеевич и отпустил сына, выпустил его из сердца. Не возвращайся.

Дни Леонида Сергеевича расписаны. Бассейн, пробежки – это для здоровья. С годами сердце шалит, нужно держать форму. Потом театр по выходным, прогулки по лесу с бывшим коллегой. Иногда даже встречи с женой. Походы в филармонию. Правда, в филармонии начал засыпать. Что тревожит – с храпом. Соседи вежливо пихаются.

У Леонида Сергеевича своя дорожка. По пенсионерской цене, конечно, просто маленькая хитрость: в 11:20 в бассейне одни бабули, набиваются на первой и второй дорожке по пять-шесть меховых шапочек, толкуются там да кудахчат про внуков и пенсию. На последней полосе обычно тренируется спортсмен. А вот предпоследняя свободна – до нее бабулям добираться тяжело. Да и нравится нашему пловцу фантазировать, будто и он, как сосед-спортсмен, не просто так тут прохлаждается.

Леониду Сергеевичу важно, чтобы никто не мешал. Тогда мысли в такт махам – простые, внятные. А лучше бездумно, только физика. Никаких чакр, никакого современного искусства. Над водой – небо, чайки, облака, туман или снег. В мороз пар над поверхностью, из пара выплывают меховые шапочки. Леонид Сергеевич считает километры. Рекорды ставить поздновато, но перевыполнение плана все еще бодрит. Счет упорядочивает мысли. Леонид Сергеевич, не отдыхая, отталкивается от бортика и снова в путь.

Легкий удар по голове. Вода смягчает столкновение, но все равно неприятно, личное пространство нарушено. Кто тут затесался? Брызги, волны, «ой простите», тело хватается за кольца, уступает дорожку – молодуха какая-то. «Дура, не могла на третьей дорожке остановиться, занесло ее сюда, будто негде больше плавать. Все, тренировка насмарку...» – злится Леонид Сергеевич, хотя раньше ведь не называл свои сеансы тренировками.

На обратном пути он уже макушкой чувствует приближение чужого тела, обгоняет слева, с досады окатывает соседку брызгами. Мысли расплескались, не собрать ни в один порядок. «Дилетантка. Скорость километр в час. Так и будет тут как говно в проруби... Сказать, что ли, чтоб проваливала на

соседнюю дорожку?». До конца сеанса еще двадцать минут. А настроение – хоть обратно в душевую. «А почему собственно я так злюсь? Молодая женщина... Может, хочет познакомиться? Ищет такого вот свободного мужчину в возрасте, опытного». Леонид Сергеевич видит: женщина задержалась у лесенки, тяжело дышит. Останавливается рядом. Она совсем молодая. Или такой кажется в шапочке. Глаза красные от хлорки. Приторно-розовый купальник. Кривит губки, отворачивается – «не интересуется».

– Девушка, смотрите: слева другие дамы. Не хотите ли к ним? У меня тренировка. А скорости у нас с вами разные.

– Мужчина, у вас дорожка купленная? Вот и плывите дальше. А мне и тут удобно.

«Ладно, хоть не послала на три буквы. Сейчас с молодежью опасно разговаривать», – Леонид Сергеевич по-стариковски хмыкнул и поплыл, все оставшееся время стараясь не задевать медлительное тело, но тело то и дело выставляло то руку, то пятку, даже раз царапнуло больно коготком. Нет, нельзя нервничать, все-таки сердце...

Леонид Сергеевич долго тер себя мочалом в душевой. Неприятно. Одно утешает – такие неспортивные барышни зачастую больше одного раза в бассейне не появляются, не хватает им ни мотивации, ни силы воли для регулярных занятий. Но девушка в розовом купальнике появилась и в четверг, и в следующий понедельник. Леонид Сергеевич попробовал сменить дорожку – стало только хуже. Спортсмену справа он мешал. Сквозь пенсионерок сложно было протиснуться, чтобы не задеть чье-то дряхлое тело и не услышать поток старческих извинений. Уж лучше терпеть розовую. Леонид Сергеевич успел ее уже достаточно рассмотреть. Девушка плавала только по-лягушачьи и на спине. Из бюстгалтера постоянно выпадала левая грудь, и розовая то поправляла лифчик, то оставляла болтаться в воде – лень было. Сама же на себя злилась, что никак не сменит свой отдельный на удобный слитный. Из воды она выбегала, будто опаздывала куда-то. «Вот ведь бездельница. Почему не в институте, не на работе?». Однажды девушка задержалась на лесенке и оглянулась. Леонид Сергеевич следил за ней – это было его новым развлечением. Между лифчиком и трусиками замет-

но выпирал беременный живот, а в пупке сверкал пирсинг. Леонид Сергеевич аж забыл, какой рукой грести. Бабка в меховой шапке заохала:

– Девушка, миленькая, вы осторожнее, не упадите. Опасно в вашем положении! Инфекции всякие. Вам бы гулять побольше, а тут еще простынете...

– А это не ваше дело, ясно? – розовая вызывающе задрала подбородок, гордо поднялась и зашлепала в душевую. Бабка рассеянно заморгала на Леонида Сергеевича, ища в нем сочувствие.

– Да я же добрый совет хотела дать... Да я... Ну и ну!

Леонид Сергеевич только развел руками. Эта за словом в карман не полезет.

В пятницу позвонил сын, позвал в гости, надо, говорит, обсудить кое-что важное. Полгода не виделась, а тут важное появилось. Звонит, когда приспичит, деньги, наверное, кончились. Не на что пить. Леонид Сергеевич хотел уже отказаться, да вспомнил, что концерт в филармонии отменился и в общем планов особых на выходные нет. Олег назвал улицу в одном из спальных районов. Леонид Сергеевич договорился на полдень – путь предстоял неблизкий. Привыкший экономить на излишествах, отец отправился к сыну на трамвае, обильно позавтракал на случай, если кормить не будут, сунул пару тысяч в карман куртки – опять же, на случай. Если не попросит, то и не даст: пусть сам на жизнь зарабатывает, стыдно уже. Хоть и инвалид, а руки-то есть. Уже в вагоне догнало беспокойство: как сын сейчас выглядит, по голосу вроде держится... На чьи деньги квартиру снимает? Неужели на работу устроился... Скорее, нашел очередную бабу и живет у нее.

Дверь была приоткрыта, с порога тянуло табаком. На кухне гремели посудой. Олег широко улыбнулся, обнял отца, изо рта пахло плохими зубами, куревом. Перегара вроде нет.

– Привет, пап. А это моя Машка. Маш, харэ там хозяйничать, иди, познакомлю с отцом.

Маша вытерла руки о фартук, протянула одну, ухмыльнулась. Под фартуком круглился живот. Пирсинг так не видно. Леонид Сергеевич давно уже изучил ее фигуру, осанку, горделивое выражение востренького личика. Волосы только видел

впервые – оказались рыжие, крашеные. Маша своего соседа по дорожке и не думала узнавать. Да и сейчас, кажется, она была как будто не здесь, в своем мире непонятных мужчинам ощущений и переживаний. Налила борща гостю, села у двери, ногой подтянула кошку, гладит, носом шмыгает.

– Значит, скоро пополнение в семье. Поздравлять пока рано. – Леонид Сергеевич окинул унылым взором потолок с желтой плесенью, углы в паутине, подумал, что тремя тысячами тут не отделаешься. – Сколько за квартиру платите?

– Мы не снимаем, это Машина квартира.

– Ах вот как, – отец попытался скрыть облегчение – Ну а вы, Маша, где работаете?

Маша как-то отупело пялилась в окно, рука методично гладила полосатую морду.

– Маша не работает, – ответил за подругу Олег.

– Значит, студентка? – Леонид Сергеевич вспомнил, как Маша всякий раз торопилась в душевую за несколько минут до окончания сеанса – на пары, наверное, опаздывала.

– Нет, она не учится.

Леонид Сергеевич неодобрительно закашлялся. Маша вдруг проснулась и прямо, со своим фирменным горделивым выражением посмотрела на будущего свекра.

– Не учусь и не работаю. Вынашиваю ребенка, если вы не заметили. Готовлюсь стать матерью. Недостаточно серьезное занятие для вас? А я так не считаю. Будете еще суп?

Последний вопрос прозвучал именно как вопрос, на который можно было ответить и утвердительно, отчего Леонид Сергеевич совсем смутился и засобирался уходить. На пороге все же не выдержал – спросил:

– Расписываться будете? В третий раз, все-таки...

– Мы еще не решили. Это сейчас не главное, – отрезала Маша. Будто бы она всякий паз отвечала правду, говорила все, как думает, только казалась ее правда какой-то вызывающей, неуместной. «Эта явно не на искусствоведа училась. Если вообще она где-нибудь училась. А ведь зачем ей расписываться, в самом деле. У Олега – никакой собственности, ни денег, ни работы. Алименты платить не будет в случае чего, что с такого взять», – думал Леонид Сергеевич, трясаясь в трамвае на обратном пути.

То была суббота, а в понедельник они снова делили с Машей одну дорожку на двоих. Девушка в розовом купальнике, будущая мать и сноха, безработная рыжая гордячка с пирсингом, с однушкой за обводным шоссе. Она его опять не узнавала, да и вообще не особо смотрела по сторонам. Внутренний мир захватил все ее внимание, а добрые силы оберегали от скользких ступенек, случайных столкновений, ледяного ветра и недобрых взглядов старушек на соседних дорожках.

Вечером Леонид Сергеевич заглянул в интернет и пропал на пару часов. Узнал, что плавание всячески рекомендуется при здоровой беременности – женщины ощущают себя в невесомости, разгружают уставшую поясницу, и даже чувствуют единение с плодом, пребывающим в той же водной среде. Видимо, старушки в меховых шапочках еще не знают про данные современной науки, всякий раз провожая Машу неодобрительными тревожными взглядами и вздохами. Скорей бы уж девка родила, думают они. Леонид Сергеевич, наконец, догадался, почему Маша выбрала именно его дорожку – подальше от консервативных старушек и от реактивного спортсмена. Из трех зол ворчливый пенсионер – наименьшее.

Поначалу Леонид Сергеевич все порывался с будущей снохой поздороваться, все-таки родственники будут. А если считать, что внутри круглого живота живой ребенок – внук или внучка – уже родные люди. Захотелось Леониду Сергеевичу узнать, на каком сроке Маша, все ли хорошо с плодом. Но сын не звонил, а Маша равнодушно проплывала мимо, погруженная в себя. «Может, самому надо звонить? Может, что нужно? Да все им нужно, ничего же у них нет. Оба не работают, еще ребенка заделали! Предложишь однажды помощь, сядут на шею на всю оставшуюся жизнь...» – такие противоречивые мысли терзали Леонида Сергеевича, покой был потерян. Маша же, в своем растянутом розовом купальнике, казалась олицетворением покоя – а у самой какая-то халупа, муж не муж, чем жить будут, непонятно... Леонид Сергеевич, конечно, злился. Но на следующие полгода абонемент купил, на то же время. Рано или поздно это кончится. Так и случилось.

Однажды дорожка оказалась пустой – Маша не пришла. Не приходила она и на следующие сеансы, вернулось береж-

но оберегаемое личное пространство. Леонид Сергеевич рассекал его в привычном темпе, больше не на кого было отвлекаться, и все 45 минут он мог не беспокоиться, что ненароком заденет беременный живот или забрызгает соседку сильным махом. Погрузился в воспоминания. И не мог вспомнить, как собственная жена вынашивала его сына. Что он чувствовал тогда? Чего ждал? Кажется, как узнал, что сын родился, так и напился – все тогда напивались, особенно если сын. Может, водка память и срубила. Утром сбегал на работу, старался позднее прийти домой, когда уже все спали. Везло не всегда – маленький Олег порой не соглашался утомониться до глубокой ночи, жена бесконечно долго качала, плакала. Леонид Сергеевич спал или делал вид. Не хотелось успокаивать, неинтересно было. Мужик – он же семью обеспечивает, а все эти колыбельные, бутылочки, пеленки, кашки – бабское дело. Так его воспитали, наверное. Каким будет отцом Олег, непонятно. Все у него не как у людей.

Через месяц Леонид Сергеевич не выдержал, позвонил: – Олег, чего вы там, как Маша? Куда пропал?

Олег помолчал немного, потом как-то тихо и медленно заговорил:

– Привет, пап. Нормально все. Не очень удобно говорить. Все хорошо, ты не волнуйся. Звонить как-то некогда было. Ты-то как?

– Да что я! Ты скажи, как Маша, как она себя чувствует, когда у нее... как это называется? Какой у нее срок?

– Срок? Да ты не переживай, Маша родила.

– Как родила?!, – у Леонида Сергеевича аж в сердце закололо. – Как... что... Кого? Когда? Здоровый?

– Да месяц назад. Мальчик, здоровый.

– Я ж ее месяц назад видел! А почему на выписку не позвали? – Леонид Сергеевич вдруг вспомнил, что положена ведь выписка – с кружевным конвертом, букетами, фотографиями, домашним праздником.

– На выписку? Да мы не выписывались. Маша дома рожала. Я ей помогал.

– Вы что, с ума сошли?!

– Нет. Мы так давно решили. Что ты кричишь, все хорошо у нас.

– А деньги? Вы на что живете? Оба не работаете...

– С чего ты взял? Я давно на работу устроился, курьером.

– Да-а-а, хорошую работенку нашел! Карьера у курьера!

Ты дома сейчас? Давай я приеду через пару часов, привезу денег вам.

– Папа, нам не нужны деньги, у нас все есть, не волнуйся. Только ты... лучше не приезжай, мелкий пока спит много, Маша тоже отдыхает, да и в первый месяц лучше без посещений, можно ведь заразить ребенка. Извини, не могу больше говорить. Пока, пап, будь здоров.

Пятьдесят капель корвалола помогли не сразу. Леонид Сергеевич лежал на кушетке, гладил грудь, смотрел в темнеющее окно. «Ничего им не надо, даже денег. Внука не дадут посмотреть. Помру и не увижу».

Ходить в бассейн отпала всякая охота, но раз есть абонемент, Леонид Сергеевич не может пропускать. Иначе жизнь превратится в полный бардак. А тут хотя бы какая-то упорядоченность. С 11:20 до 12:45 Леонид Сергеевич представляет себя еще не рожденным ребенком – свободным от бытовых и бытийных условностей и одновременно скованным тесным мирком материнской утробы. Через плаценту поступает жизненное вещество, не нужно даже рта открывать. Ничего не нужно делать. И ничего нельзя сделать – тебя уже выбрали, создали, тебя неосознанно и ежемоментно формируют, ты запрограммирован на девять недель бессмысленного полного счастья и долгие годы разлуки. Недели идут. Леонид Сергеевич ждет звонка. Но никто не звонит. Неужели никто уже никогда не позвонит? Он же пока еще жив!

– Але, Олег! Куда вы пропали... Жив парень-то?

– Ой, пап, здорово! Да я сейчас трубку передам, он тебе сам все скажет...

Уши закладывает от яростного крика.

– Это Ванька есть хочет.

– Иваном, значит, назвали? Ну, хорошо... Просто хотел узнать, что вы живы-здоровы.

– Да все хорошо. Только не спит ни черта. Я на работе сутками. Машка выдыхается, устала очень. А Ванька растет, чего ему!

– А в бассейн Маша чего не ходит?

– Ну ты смешной, пап! Когда ей? Я ж на работе, няни у нас нет, да и Ваньку она грудью кормит.

– Ну и что? Бассейн посещать можно, я читал... Так. Давай, значит, я заеду к вам завтра в 10 утра на такси, заберу Машу с Иваном, поедем. Она поплавает, а я с ним посижу в холле. Там есть теплый холл, мы отлично проведем время. Скажи Маше, пусть купальник приготовит и чего ей там нужно еще. Ладно? Скажи ей сегодня, а я завтра утром еще позвоню, как буду выезжать. Пока, сынок.

Не дав сыну ответить, Леонид Сергеевич нажимает «отбой», тянется за корвалолом. Из пипетки вытекает последняя капля. Плод обнимает себя руками, притягивает ножки, прижимает подбородок к груди. Бешено бьется сердце – этот звук заполняет пространство до отказа, треск лопнувшего пузыря, и миллионы капель разбегаются по вселенной, пуповина вот-вот отпульсирует... Крик, резкий свет, вдох, первые нежные объятия – навсегда.